

НЕКРАСОВ В БОРЬБЕ С ПОЛЕВЫМ И БУЛГАРИНЫМ

ТРИ НЕИЗВЕСТНЫХ РЕЦЕНЗИИ НЕКРАСОВА 1842—1845 гг.

Статья и публикация | Г. Берлинера |

Деятельность Некрасова как активного соратника Белинского становится известной только с середины 40-х годов, с момента выхода в свет первого тома «Физиологии Петербурга» (1845), в котором были напечатаны «Петербургские углы». Между тем Некрасов, познакомившийся с Белинским еще в 1841 г., повидимому, сравнительно скоро сблизился с ним и заслужил его полное доверие. Уже весной 1843 г. (в письме к В. П. Боткину от 5 апреля) Белинский говорит о Некрасове как о человеке, совместная работа с которым вполне естественна и закономерна. Вероятно, уже в ранний период знакомства Белинский почувствовал в Некрасове возможного союзника в борьбе за общие литературные задачи. В истории той борьбы с реакционными течениями современной литературы, которую уже на раннем этапе своей деятельности развешивает Белинский, особое место занимает его полемика с Полевым.

В начале своей литературной работы Белинский сочувствовал Полевому; приступив в 1835 г. к редактированию «Телескопа», он даже послал Полевому восторженное письмо, в котором говорил, что ему приятно было бы иметь читателем человека, который «воспитал своим журналом несколько юных поколений и сделался вечным образцом журналиста»¹. Однако довольно скоро их отношения начинают портиться. Решающее значение имели здесь все более и более обострившиеся идейные расхождения: в то время как Белинский постепенно углублял свой демократизм и переходил к выработке принципов реалистической эстетики, Полевой все теснее сближался с Булгариным и Гречем и в своей драматургической деятельности усваивал черты псевдопатриотического, «ложно величавого» стиля, свойственного драмам Кукольника и Ободовского.

Выступления Белинского против Полевого как драматурга начались уже в 1838 г. с резко отрицательной рецензии на драму «Уголино», о которой Белинский писал, что она представляет собою «лучшее доказательство той непреложной истины, что нельзя писать драм, не будучи поэтом... Ни одного поэтического стиха, ни одного поэтического слова! Фраза на фразе»². Впрочем, вначале Белинский проявлял здесь значительную сдержанность, пытаясь как бы вразумить Полевого, указав ему на ошибочность избранного им пути. Так, в 1841 г., рецензируя «Русскую историю для первоначального чтения» Полевого, Белинский с полной объективностью напоминал о его прежних литературных заслугах, вместе с тем выражая сожаление о том, что такой незаурядный писатель тратит время и силы на создание псевдопатриотических трагедий и насмех состряпанных водевилей. «Конечно, — писал Белинский, — многие из его драматических пьес несравненно выше всех произведений наших доморощенных водевилистов от г. Ленского до г. Коровкина включительно, но что из этого? Разве это слава написать роман, который будет выше всех романов гг. Зотова и Воскресенского? Нет, если это и слава, то не для г. Полевого: мы ценим его выше и от души советуем ему перестать состязаться с театральными писателями и побеждать их...»³.

Окончательный разрыв между Полевым и Белинским относится к 1842 г. Большую роль в этом сыграло весьма агрессивное выступление Полевого против Гоголя после выхода в свет «Мертвых душ». В статье, напечатанной в январской книжке «Русского

Вестника» за 1842 г., Полевой, сопоставляя «Ревизора» с «Мертвыми душами», назвал комедию Гоголя фарсом. Еще резче был отзыв Полевого о «Мертвых душах»: разбирая поэму Гоголя, Полевой заявил, что искусству нечего делать с «Мертвыми душами», и обвинил Гоголя в недостатке патриотизма и в клевете на Россию.

После этого выступления Белинского против Полевого участились. В 1842 г., в мартовской книжке «Отечественных Записок», он поместил заметку «Русский театр в Петербурге», в которой дал резко отрицательную оценку пьесе Полевого «Елена Глинская»; в июльской книжке, в рецензии на «Мертвые души», не называя Полевого по имени, намекнул на «отсталого от времени» писателя, у которого «характер слабый, ничтожный и завистливый» и который вступает в «отчаянно-бессильную» борьбу с новым талантом; наконец, в ноябрьской книжке Белинский напечатал пространную и очень обоснованную рецензию на отдельное издание «Драматических сочинений и переводов» Полевого. В свете этой полемики следует рассматривать и анонимную рецензию на «Драматические сочинения и переводы» Полевого, напечатанную в «Литературной Газете», в № 43 от 1 ноября 1842 г., почти одновременно с рецензией Белинского в «Отечественных Записках» и за пять месяцев до того письма Белинского к Боткину, в котором он говорит о своем сближении с Некрасовым, как о совершившемся факте.

Прочитав эту рецензию, сразу можно сделать несомненный вывод, что она или вышла из кружка Белинского или, по крайней мере, написана лицом, ориентировавшимся на «Отечественные Записки». Некоторые высказанные в ней мысли совпадают с отдельными суждениями, содержащимися в рецензии Белинского на те же «Драматические сочинения и переводы» Полевого.

Так, например, автор рецензии следующим образом оценивает успех Полевого как драматурга: «Это странная слава — без определенного цвета, веса и значения; завистников у нее быть не может, хотя могут быть ревностные поклонники...».

В рецензии Белинского эта же мысль выражена яснее и более обоснованно. Белинский говорит: «...Мы так уважаем в лице г. Полевого бывшего журналиста, что нам неприятно видеть его чем-то средним между г. Кукольников и г. Ободовским... нам неприятно, что его в том же театре вызывает та же публика, которая вызывает и г. Зотова и г. Коровкина и многих других таких же сочинителей. По нашему мнению не должно дорожить такими рукоплесканиями, такими вызовами, такую славою...»⁴.

С другой стороны, по некоторым признакам можно заключить, что рецензия, напечатанная в «Литературной Газете», написана человеком, недавно вступившим на арену литературной борьбы. В этом отношении ее опять-таки любопытно сравнить с рецензией Белинского.

Рецензия Белинского в значительной степени построена на воспоминаниях о прежней литературной деятельности Полевого и о прежней полемике с ним. Белинский использует очень давнюю статью Полевого («Три дня в двадцати годах». — «Новый живописец общества и литературы», ч. III, М., 1832) для того, чтобы сопоставить прежнюю и позднейшую литературную деятельность Полевого. Он вспоминает о том, как Полевой, жалующийся в «Послесловии» к своим пьесам на строгость и придирчивость критики, когда-то сам был критиком «строгим, резким и для многих страшным»; он вспоминает, наконец, о прежней полемике Полевого с Булгариным и даже приводит цитаты из их прежних полемических статей. В анонимной статье, напечатанной в «Литературной Газете», ничего этого нет: автор ее говорит о Полевом только как о драматурге, игнорируя все другие стороны его литературной деятельности.

Вместе с тем, то, на что Белинский осторожно намекает, в рецензии «Литературной Газеты» высказано без всякой осторожности, с горячностью и даже запальчивостью начинающего литератора, еще не испытавшего столкновений с цензурой. Белинский не говорит прямо, что после закрытия «Московского Телеграфа» Полевой, опасаясь новых репрессий со стороны правительства, проявил малодушие и стал писать псевдопатриотические пьесы. Только в самых общих выражениях критик намекает на перемену, происшедшую с Полевым, цитируя известные слова Гоголя: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге — не поднимаете потом!...» Автор рецензии, напечатанной в «Литературной Газете»

НЕКРАСОВ

Акварель М. Захарова, 1847 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

в противоположность этому, высмеивая псевдопатриотическую тематику пьес Полевого, называет вещи своими именами. Характерен своею смелостью также мимоходом брошенный намек на деятельность Булгарина, связанную с III Отделением.

«Такая мудреная пьеса!.. — говорит автор рецензии. — Понимаемая большею частью публики, как и следует, совершенно наоборот, она совсем не возбуждает тех чувств, которые желал, может быть, возбудить сочинитель... Некоторые замечают, что если б главное лицо пьесы поменялось ролью с действующим тут же поселянином Кауде, то пьеса много бы выиграла со стороны вероятия; мы не спорим...».

Дело в том, что сам Полевой предпослал пьесе «Солдатское сердце» такое предисловие: «Основание взято из события в жизни известного литератора Ф. В. Булгарина. Находясь в военной службе и бывши в Финляндии, в юности своей он спас несчастного, ложно обвиненного в предательстве, и через много лет потом имел наслаждение слышать благодарность сына за сохранение жизни отца». По ходу пьесы русский офицер Булгаров должен арестовать и расстрелять некоего Густава Крузе, а крестьянин Кауде, проводник Булгарова, за деньги помогает ему в его поисках, т. е. выполняет роль шпиона. Автор рецензии своим намеком хотел сказать, что эта роль больше подошла бы к Булгарову, в лице которого выведен Булгарин.

Кто же был автором этой интересной рецензии? В «Литературной Газете» отзывы о современных пьесах обыкновенно давали Ф. А. Кони и Некрасов, причем Некрасов делал это гораздо чаще, чем Кони. Ни одна из статей Кони не имела той политической остроты, какой отличается рецензия на «Драматические сочинения и переводы» Полевого (притом же Кони и сам писал пьесы в стиле Полевого, как, например, «Архип Осипов, или русская крепость», «Царская милость» и т. д.). Собственно говоря, этого уже достаточно для того, чтобы с большой степенью вероятности приписать разбираемую рецензию Некрасову, учитывая, что она появилась в печати как раз в момент сближения Некрасова с Белинским.

Однако у нас есть и формальное основание считать автором рецензии именно Некрасова. Интересующая нас рецензия, как мы уже указывали, была напечатана в номере газеты от 1 ноября 1842 г. А весной следующего года вышли в свет 3-й и 4-й томы тех же «Драматических сочинений и переводов» Полевого. Необходимо было, следовательно, дать еще один отзыв о пьесах, вошедших в эти томы. Но что нового мог бы сказать об этих пьесах критик, оценивавший драматургическую деятельность Полевого так, как она была оценена в интересующей нас рецензии? Пьесы, помещенные в 3-м и 4-м томах «Драматических сочинений и переводов» Полевого, по содержанию, направлению и творческому методу ничем не отличались от пьес, помещенных в 1-м и 2-м томах; недостатки их были те же самые. И вот в № 14 «Литературной Газеты» от 14 апреля 1843 г. появляется очень коротенькая заметка, представляющая собой, в сущности говоря, отписку. Автор заметки напоминает о том, что в «Литературной Газете» уже была помещена статья, характеризовавшая пьесы Полевого «относительно их цели, направления, современного значения и личного достоинства», и добавляет: «Теперь нам остается сказать очень немного». Затем он цитирует стихи Полевого, приложенные к драме, выделяя строки: «Мне тяжело жизнь мою осталось довлать в пустыне жалкой бытия». Эти стихи дают автору повод заметить, что когда такие жалобы приносит не какой-нибудь полный жизни, неопытный и легкомысленный юноша, а такой опытный и заслуженный драматург, как Полевой, то невольно приходится верить на слово.

Совершенно ясно, что обе рецензии написаны одним и тем же лицом. Но автор второй рецензии, напечатанной в 1843 г., известен — это Некрасов. Авторство его было установлено В. Горленко, которому Ф. Кони, редактировавший в 1841—1843 гг. «Литературную Газету», сообщил заглавия некоторых (далеко не всех) рецензий Некрасова, напечатанных в этой газете, списав их из сохранившихся редакционных книг⁶.

* * *

В журналистике первой половины 40-х годов велась оживленная борьба вокруг физиологического очерка.

Большую предприимчивость в этой области проявил Булгарин, быстро оценивший те возможности, которые давал этот жанр в чисто коммерческом отношении.

В течение 1841—1843 гг. Булгарин выпустил в свет шесть маленьких книжек под заглавием «Картинки русских нравов». Сюда вошли очерки самого Булгарина («Салопница» и «Корнет»), а также очерки Алексея Греча (сына Н. Греча), Нестора Кукольника, Мятлева и Далия. С 1843 г. Булгарин начал выпускать вторую серию под заглавием «Очерки русских нравов, или изнанка и лицевая сторона рода человеческого». В эту серию входили очерки только самого Булгарина. Всего их вышло шесть выпусков, или «тетрадей».

О литературных достоинствах булгаринских очерков говорить не приходится; отдельные реалистические наблюдения над действительностью тонут здесь в многословном охранительном морализировании, приправленном недвусмысленными выпадами против тех, кто мечтает о «скотском равенстве» и недоволен существующим строем.

Нужно заметить, что Булгарин самым беззастенчивым образом рекламировал свои издания и ожесточенно нападал на своих конкурентов, — главным образом, на издателей серии «Наши, списанные с натуры русскими», возникшей также в 1841 г. О своих «Картинках русских нравов» Булгарин писал: «Издание бесспорно лучше Парижских физиологий» («Северная Пчела», 1842, № 81); об издании же своих конкурентов он отзывался так: «Виновны ли мы, что за границею пишут лучше, что *«Les Français peints par eux-mêmes»* лучше „Наших“?» («Северная Пчела», 1842, № 42).

Когда издатель серии «Наши, списанные с натуры русскими», А. П. Башуцкий, напечатал очерк «Водовоз», в котором суровая жизнь трудового народа столицы была изображена довольно реалистически, Булгарин немедленно же поместил в «Северной Пчеле» очерк «Водонос», в котором изобразил жизнь петербургских дворянчиков в самых розовых и идиллических красках («Северная Пчела», 1842, № 14).

По воспоминаниям барона Корфа, приказание написать очерк, противоположный по направлению «Водовозу» Башуцкого, исходило из придворных кругов и было вызвано тем, что сам Николай I был до крайности возмущен этим произведением.

Булгарин явно стремился к тому, чтобы стать монополистом в области физиологического очерка (в качестве автора или, по крайней мере, в качестве издателя очерков, близких по направлению к его собственным). Между тем этот жанр привлекал и других писателей и, в частности, представителей зарождавшейся натуральной школы. Выступить против Булгарина было трудно. Современники знали, что он был агентом III Отделения, литературным подручным Бенкендорфа и Дубельта.

Тем не менее с Булгариным как с «физиологистом» велась самая решительная борьба. Белинский с 1842 г. рецензировал все выпуски «Картинок русских нравов» и «Очерков русских нравов» и обо всех давал пренебрежительные и отрицательные отзывы, неизменно подчеркивая спекулятивный характер изданий Булгарина. Так, например, о первых выпусках «Очерков русских нравов» Белинский писал: «Соревнование — великий двигатель промышленности и всякого совершенствования. Успех „Наших“ г. Башуцкого возбудил в г. Булгарине стремление приобрести успех еще больший. И вот для этого он дал две весьма посредственные статьи свои... для рисунков г. Тимма, а Тимм, в свою очередь, к весьма посредственным статейкам г. Булгарина приложил свои прекрасные рисунки. Разумеется, всякий полюбуется картинами, а читать текста уж верно не будет»⁶.

Важно то, что и в этой борьбе с Булгариным как с «физиологистом» Некрасов принял участие значительно раньше выхода в свет «Физиологии Петербурга».

В этом отношении очень большой интерес представляет помещаемая ниже рецензия на IV, V и VI выпуски «Очерков русских нравов» Булгарина. Впервые она была напечатана в майской книжке «Отечественных Записок» за 1843 г. без подписи автора.

Принадлежность этой рецензии Некрасову доказывается на основании писем Белинского. В письме его к К. Д. Кавелину от 7 декабря 1847 г. имеются, между прочим, такие строки: «Вот, например, Некрасов — это талант, да еще какой! Я помню, кажется, в 42 или 43 году он написал в „Отечественных Записках“ разбор какого-то булгаринского изделия с такою злостью, ядовитостью и мастерством, что читать наслаждение и удивление; а, между тем, он тогда же говорил мне, что не питает к Булгарину никакого неприязненного чувства»⁷. Белинский, к сожалению, не говорит, к какому

литературному жанру относилось «изделие» Булгарина, так удачно разобранный Некрасовым. Однако это можно установить на основании иных данных.

Из писем Белинского к Боткину от 17 апреля и 24 мая 1843 г. видно, что в апреле этого года Некрасов являлся достать Белинскому денег на поездку в Москву, причем в связи с этим Белинский предполагал прекратить работу в «Отечественных Записках» к 20 мая; в начале июня Белинский, действительно, выехал в Москву⁸.

В числе рецензентов, заменивших Белинского на время его отсутствия в библиографическом отделе «Отечественных Записок», был Некрасов. В письме Белинского к Краевскому от 8 июля 1843 г. читаем: «Вы еле-еле можете расплатиться с Некрасовым, Сорокиным и прочею братиею, работающею за меня»⁹. Именно в это время и была помещена в «Отечественных Записках» указанная нами рецензия — в мае 1843 г.

Какие же имеются у нас основания для того, чтобы утверждать, что именно эту рецензию имел в виду Белинский в письме к Кавелину от 7 декабря 1847 г.?

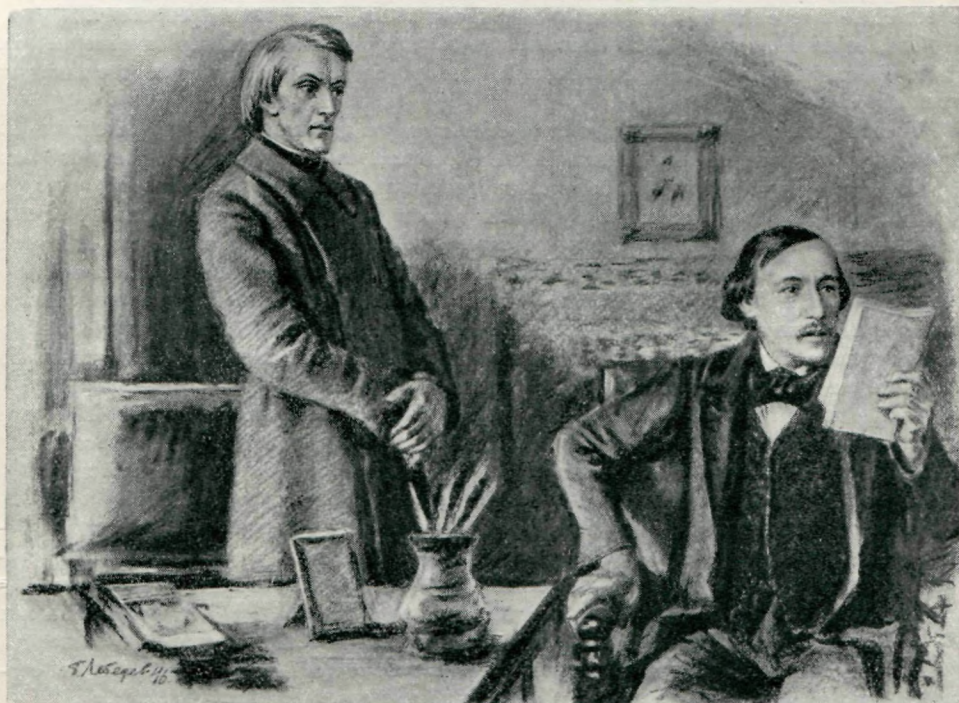
Белинский говорит о талантливом и злом разборе «булгаринского изделия», напечатанном в «Отечественных Записках» в 1842 или 1843 г.

Обращаясь к критико-библиографическому отделу «Отечественных Записок» за 1842 и 1843 гг., мы находим, что за эти два года здесь было напечатано пять рецензий на произведения Булгарина, а именно: 1) на книгу «Комары. Всякая всячина» (1842, XXII, № 5); 2) на «Сочинения» Ф. Булгарина (1842, XXV, № 12); 3) на «Очерки русских нравов», вып. I, II, III (1843, XXVI, № 3); 4) на «Очерки русских нравов», вып. IV, V и VI (1843, XXVII, № 5) и 5) на «Полное собрание сочинений Ф. Булгарина» (1843, XXXI, № 11). Из названных рецензий три — на книгу «Комары» и на издания сочинений Булгарина 1842 и 1843 гг. — принадлежат самому Белинскому (см. Полн. собр. соч., VII, 204—213, 502—503, 595 и 638; XII, 548).

Таким образом, только две рецензии на «Очерки русских нравов» Булгарина, напечатанные в XXVI и XXVII томах «Отечественных Записок», могли бы принадлежать Некрасову. Но первая из этих рецензий не подходит под приведенную выше характеристику Белинского, представляя собой довольно заурядный выпад против Булгарина; вопрос об авторстве по отношению к этой рецензии пока приходится считать открытым. Рецензия же на IV, V и VI выпуски «Очерков русских нравов» Булгарина является е д и н с т в е н н о й рецензией, целиком подходящей под все признаки, указанные в письме Белинского. Она обращена против отдельного издания («изделия») Булгарина, напечатана в «Отечественных Записках» за 1843 г. — в то время, когда там сотрудничал Некрасов, и, действительно, написана «со злостью, ядовитостью и мастерством». Это настоящий перл памфлетного искусства. Собственно об очерках Булгарина в ней сказано очень мало; они, по словам рецензента, «вялы, безжизненны, преисполнены плоских шуточек и аляповатого остроумия». Но не это интересует автора рецензии: по его словам, «сочинения г. Булгарина далеко не так интересны, как явления, которыми они обыкновенно предзнаменуются и сопровождаются». Поэтому большая часть рецензий — это злое и, действительно, талантливое разоблачение тех приемов, при помощи которых Булгарин рекламирует свои собственные произведения. Кое-что шаржировано, но в основу легли факты, имевшие место в действительности. Появлению «Очерков русских нравов» Булгарина предшествовал ряд выпадов «Северной Пчелы» против «Отечественных Записок». Так, например, в № 6 «Северной Пчелы» Булгарин напечатал фельетон, в котором заявлял, что хотя «Отечественные Записки» в каждой книжке «варят, жарят и шпыгуют» под видом Ф. Булгарина «какого-то несчастного истукана», но настоящий Ф. Булгарин от всего этого и в ус себе не дует. В № 35 «Северной Пчелы» Булгарин нападал на органы печати, рекомендующие публике «Отечественные Записки», и утверждал, что философия «Отечественных Записок» — велепость, язык неправилен, суждения о литературе превратны; в № 57 снова были разруганы «Отечественные Записки», причем Булгарин сравнивал себя самого с Сократом (!), а сотрудников «Отечественных Записок» — с порочными глупыми афинянами, которые бросали в Сократа грязью.

С другой стороны, «Северная Пчела» самым беззастенчивым образом рекламировала «Очерки русских нравов» Булгарина. Так, в №№ 12, 24 и 73 за 1843 г. были помещены широковещательные информации о выходе в свет первых трех выпусков «Очер-

ков», причем Булгарин заявлял, что прежние его очерки публика приняла с большим вниманием, и вызывающим тоном утверждал, что журналы, которые хотят ругать его сочинения, должны поторопиться, так как иначе все книжки, к их неудовольствию, будут распроданы («Северная Пчела», 1843, № 24). Наконец, в № 84 «Северной Пчелы» под псевдонимом была помещена рецензия, в которой самое неумеренное восхваление «Очерков» Булгарина сочеталось с грубыми выпадами по адресу «Отечественных Записок» и зарождающейся в русской литературе натуральной школы. Все эти приемы крикливой рекламы остроумно пародируются в рецензии путем сопоставления с рекламой заезжего иностранца Лесира, показывающего в балагане чучело кита.

НЕКРАСОВ И БЕЛИНСКИЙ

Рисунок В. И. Лебедева, 1946 г.

Собрание художника, Пенза

Для рецензии характерно четкое осознание принципов натуральной школы: произведение Булгарина и его соратников, с точки зрения автора рецензии, не могут уже иметь успеха у русской публики; «из сочинений Гоголя она ознакомилась уже столько с истинным юмором, художественным воспроизведением действительности, с живою одушевленною речью, что тотчас распознает подделку под эти достоинства и истинные достоинства сочинения от поддельных». Характерен также конец рецензии, где под предлогом описания картинки Тимма снова (так же, как и в рецензии на «Драматические сочинения и переводы» Полевого) сделан намек на доносы Булгарина.

* * *

Страстность выступления Некрасова против физиологических очерков Булгарина, может быть, отчасти объяснялась и тем, что он в это время сам уже заинтересовался жанром физиологического очерка и как издатель и как литератор. Ведь уже в апреле следующего, 1844 г., С.-Петербургский цензурный комитет запретил очерк Некрасова «Петербургские углы», усмотрев в нем «оскорбление добрых нравов и благопристой-

ности»¹⁰. А 2 ноября 1844 г. уже была разрешена к печати первая часть сборника «Физиология Петербурга» (вошедший сюда очерк самого Некрасова, повидимому, в переработанной редакции был разрешен к печати только 11 февраля 1845 г.).

Вскоре после выхода в свет «Физиологии Петербурга» в «Литературной Газете» (№ 13 за 1845 г.) появилась анонимная рецензия на это издание.

Очень характерно замечание рецензента о том, что статьи, помещенные в сборнике, кроме литературного достоинства, имеют еще достоинство правды; знаменательна также попытка оправдать сборник от обвинения в сгущении красок. «В некоторых из них <статей> выставлены, правда, одни смешные, а в других — одни темные стороны народного быта петербургского населения, но это первая часть труда, который обещает неопределимое число последующих частей...», — заявляет рецензент.

Это, конечно, явная декларация принципов натуральной школы. Характерно, что статью Белинского «Петербург и Москва» автор рецензии ставит на первое место во всем сборнике.

Упоминание о последующих частях сборника указывает, что автор рецензии был прекрасно знаком с планом издания и твердо верил, что этот план будет осуществлен.

Самая же поразительная особенность рецензии заключается в том, что автор ее совершенно не разбирает «Петербургских углов» Некрасова — центрального произведения всего сборника. Это ставит рецензента в очень трудное положение; для того, чтобы доказать, что книга действительно интересна, он вынужден прибегать к обширным выпискам из остроумной статьи Белинского «Петербург и Москва»; этого, однако, недостаточно для того, чтобы убедить читателя в исключительной ценности всего сборника в целом, и рецензент прибавляет к этому пространные выписки из посредственного очерка Гребенки «Петербургская сторона».

Свой отказ от разбора «Петербургских углов» рецензент объясняет так: «В первой части „Физиологии“ мы встречаем... „Петербургские углы“ Н. А. Некрасова или Перещельского, одного из сотрудников нашей газеты, о достоинствах которого мы по этому случаю, боясь злых языков, не решаемся распространяться...»

Дело здесь, конечно, не в том, что Некрасов был сотрудником «Литературной Газеты»; ведь и Ф. П. Гребенка, об очерке которого так много говорится в рецензии, также часто печатался здесь. Однако образ действий рецензента становится вполне понятным, если обратиться к рецензии Белинского на ту же первую часть «Физиологии Петербурга». Белинский воздержался от всякой оценки своей собственной статьи «Петербург и Москва» и при этом заметил: «„Отечественные“ Записки“ не считают приличным судить о статье г. Белинского как своего сотрудника...»¹¹.

Совершенно ясно, что полный отказ анонимного рецензента «Литературной Газеты» от всякой характеристики «Петербургских углов» является таким же соблюдением приличий: не статью сотрудника «Литературной Газеты» отказывается оценивать рецензент, а свою собственную статью. Только у Некрасова могло быть серьезное основание к тому, чтобы, высоко оценивая весь сборник в целом и выражая горячее сочувствие его направлению и цели, ни слова не сказать о том из очерков сборника, который более всех других привлек к себе внимание критиков и рецензентов, писавших о «Физиологии Петербурга». Ведь если бы Некрасов поступил иначе, его могли бы обвинить в том, в чем он сам обвинял Булгарина: в рекламировании своих собственных произведений.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В. Белинский. Полн. собр. соч., под ред. С. Венгерова, II, 535.

² Там же, III, 356, 359.

³ Там же, VI, 329.

⁴ Там же, VII, 449.

⁵ В. Горленко. Литературные дебюты Некрасова. «О. З.», 1878, XII.

⁶ В. Белинский. Полн. собр. соч., цит. изд., VII, 213.

⁷ В. Белинский. Письма, под ред. Е. Ляцкого, III, 306.

⁸ Там же, 364, 371.

⁹ Там же, 274.

¹⁰ Н. Ашукин. Летопись жизни и творчества Некрасова. М.—Л., 1935, 53.

¹¹ В. Белинский. Полн. собр. соч., цит. изд., IX, 360.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ Н. А. ПОЛЕВОГО

Две части

С. П. бург, 1842

Сохрани нас бог доказывать, что драматическая слава г. Полевого — дым. Мы хорошо знаем: дым — вещество, имеющее вкус, запах, цвет и какой-нибудь вес; кроме того, нам известно из пословицы, что дым ест глаза, а драматическая слава г. Полевого глаз никому не ест, потому что она не так велика, чтоб на нее сердиться, и совсем не такого свойства, чтоб ей завидовать. Когда мимо вас шумяще, плавно-туманною поступью пройдет густое, сероватое облачко дыма, — настоящего печного дыма, — вы поморщитесь и, может быть, даже чихнете. И если оно вздумает принять те странные фантастические образы, которые иногда принимает дым, если из упругих слоев его образуется стройная талия, заманчивая ножка, лилейная шейка, вы увлечетесь; вы, пожалуй, забудетесь до того, что побежите во след прихотливому облачку, или, глядя на него, бог знает до чего замечтаетесь... Но когда мимо вас тяжелыми стопами медленно и важно пройдет такая драматическая слава, какую пользуется наш заслуженный драматург, — вы останетесь так же равнодушны, как были, вы не побежите за нею, вы даже не поморщитесь и не чихнете! Она ни с которой стороны не затронет ни сердца, ни носа, ни воображения вашего... Вы будете смотреть на нее — без злобы, без зависти, холодно повторяя восклицание, которое вырвалось у вас при первом взгляде на нее: «как он давно служит!» Это странная слава — без определенного цвета, веса и значения; завистников у нее быть не может, хотя могут быть ревностные поклонники...

Итак, ясно, что драматическая слава г. Полевого — не дым. Что же это такое? Как она составила? Припомним некоторые обстоятельства.

Г. Полевой начал постоянно угощать публику Александринского театра своими произведениями, помнится, с 1838 года... Не успеем, бывало, мы опомниться от «Дедушки русского флота», нам представляют «Иголкина», не успеем отереть слез умиления, возбужденных «Парашеею Сибирячкой», в нас кидают «Солдатским сердцем», от которого становится в совершенный тупик наш рассудок. Такая мудреная пьеса!.. Понимаемая большею частью публики, как и следует, совершенно наоборот, она совсем не возбуждает тех чувств, которые желал, может быть, возбудить сочинитель. Зритель смотрит на нее холодно, равнодушно, недоверчиво! Некоторые замечают, что если б главное лицо пьесы поменялось ролью с действующим тут же помещиком Кауце, то пьеса много бы выиграла со стороны вероятия; мы не спорим... Но не одна-то во поле дороженька — не одна-то пьеса у Н. А. Полевого! Не нравится вам «Солдатское сердце». Что ж? Не смотрите его! Вот вам «Русский человек добро помнит», вот вам «Отец и откупщик», «Он за все платит», «Костромские леса», «Мнимый больной», «Ужасный незнакомец» и пр. и пр.

Угощаемая так радушно и неусыпно, публика Александринского театра, — благодарная, незлопамятная и невзыскательная публика, — не могла долго оставаться равнодушною. Она скоро оценила по достоинству ревностные труды г. Полевого и нарекла его своим почетнейшим, первым любимцем. Современный театр, с своей стороны, усыновил его как свою родную неотъемлемую принадлежность, составляющую гордость и славу его. С каждым новым произведением драматический талант г. Полевого возрастал в глазах публики, и скоро она до того простерла к нему свое благоволение, что, без сомнения, осыпала бы рукоплесканиями те же самые «Чересполосные владения» г. Полевого, которые громко и беспощадно

ошибала несколько лет назад. Пример тому — «Комедия о войне Федосьи Сидоровны с китайцами». При таких благоприятных обстоятельствах драматические дни г. Полевого текли славно и торжественно, среди беспрепятственных триумфов, среди громких рукоплесканий и многократных вызовов. Изредка только нелестные толки некоторых критиков, будто бы г. Полевой (говоря словами его же п о с л е с л о в и я) «обобрал Шекспира, Гете, Шиллера, Мольера, Вольтера, Дюма, В. Гюго, В. Скотта, Озерова, Кукольника и к о г о - т о е щ е», да кой-какие совершенно ложные упреки в безвкусице, достигая до г. Полевого, з а с т а в л я л и е г о у д и е л я т ь с я¹; но тучи, нагоняемые несправедливостью критиков на горизонт неукоризненной славы почтенного драматурга, разлетались прахом при новых лаврах, беспрестанно пожинаемых на сцене — и г. Полевой, подкрепляемый вниманием и благодарностью публики, с обыкновенной своею горячностью продолжал ратовать на блистательном и широком поприще драматическом. В таком положении дел посетила г. Полевого мысль напечатать отдельно свои «Драматические сочинения и переводы».

Она не могла посетить его более во-время и более кстату. Достигнув, так сказать, зенита драматической славы, создав «Комедию о войне Федосьи Сидоровны с китайцами»², г. Полевому более ничего не оставалось, как выдать в свет собрание своих театральных вдохновений, чтобы окончательно утвердить за собою титул и славу российского Шекспира настоящей эпохи, и тут же, кстату, дать средство своим многочисленным поклонникам, которые восхитались произведениями его поштучно, в продолжение нескольких лет, — насладиться ими гуртом, за один присест... И вот явились в свет «Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого».

Изложив выше процесс, по которому драматическая слава г. Полевого достигла настоящего своего блестящего положения, нам уже немного остается прибавить, чтоб расквитаться с знаменитым сборником, которого заглавие стоит в начале статьи. Почти все пьесы, помещенные тут, были уже рассмотрены в «Литературной Газете», по времени появления их на сцене, а потому распространяться о каждой из них поодиночке надобности, слава богу, не имеется.

Теперь, когда они стали друг подле друга, в порядке своего рождения, нас в особенности, более чем когда-нибудь, поразило их необыкновенное сходство, доходящее во многом почти до тождественности.

Каждая из них есть как бы продолжение и необходимое последствие предыдущей, и если мы возьмем на себя труд взглянуть в них попристальней, то увидим, что все пьесы г. Полевого, с такими разнообразными и разнородными заглавиями, в сущности, суть не что иное, как одна огромная пьеса, разделенная по наружности, но тесно связанная со всеми своими частями внутренним единством идеи, формы, выполнения. Идея у всех составляющих ее пьес одна — патриотизм; читая их по порядку, кажется, так и видишь, как переполненное им сердце сочинителя, не успев вполне вылиться в одной пьесе, силится досказаться в другой, третьей, и так далее. Каждая из них порознь и все они вместе клонятся к достойной всякого уважения и одобрения цели — доказать какую-нибудь блестящую черту русского характера, русского великодушия, русской силы; одна трактует о том, что русский человек добро помнит; другая о том, что русская рука охулки на себя не положит; третья о том, что русский кулак уберет десять заморских богатых; четвертая о том, что русский нос чихнет, так и довольно, чтоб напугать сотню самых храбрых китайцев, и так далее³.

Построение пьес также везде более или менее подобное. Для примера вспомните интригу в «Дедушке русского флота», в «Иголкине», в «Представлении мельника». Выполнение — о! сходство в выполнении превосхо-

дит всякие ожидания! Во всех пьесах, лица, или по собственному характеру или по характеру своих действий, одни и те же, только переряженные в другие костюмы, окрещенные другими именами. Куда ни оглянись, везде более или менее важную роль играет подьячий, без которого редкая пьеса обойдется у г. Полевого. Если где и нет собственно подьячего, то есть лицо другого какого-либо звания, с подьяческим нравом и наречием, как, например, Громодум в «Дедушке русского флота». Все подьячие, промышляющие ябедой и распивающие с приличными прибаутками ерофеич в разных пьесах г. Полевого, суть — один подьячий, потому что все они писаны для г. Каратыгина 2, 4 а один артист, как бы он разнообразен ни был, не может все-таки совместить в себе всех разнородных, дробящихся до бесконечности оттенков целого отдельного класса людей. Расчет писать роли по мерке дарований и средств сценических действующих лиц увлек г. Полевого слишком далеко и отнял у его лиц — разнообразие. В пьесах его, собственно говоря, нет х а р а к т е р о в; в них есть только р о л и, нередко весьма между собою похожие, преимущественно для гг. Каратыгиных, г-жи Гусевой 5 и г. Сосницкого 6. Родственное сходство персонажей, усиливая вместе с предыдущими обстоятельствами гармонию, господствующую в отдельно обработанных частях главной идеи, окончательно доказывает, что все пьесы г. Полевого, вместе взятые, суть, как мы выше сказали, одна большая пьеса, разделенная на множество картин, актов и отделений, которую, по нашему мнению, всего приличнее назвать так:

**ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ЧУВСТВОВАНИЯ
Н. А. ПОЛЕВОГО,
ОРИГИНАЛЬНЫЕ И ПЕРЕВОДНЫЕ,
ИЗЛОЖЕННЫЕ В ПРИЛИЧНЫХ
РАЗГОВОРАХ.**

Перелистывая две вышедшие ныне довольно толстые части «Патриотических чувствований» или «Драматических сочинений» — как угодно, — мы постепенно добрались до конца второй части и здесь, сильнее всех предисловий, введений, вступлений, приступов, какие только нам случилось читать когда-либо, поразило нас так называемое «Послесловие», помещенное на последних страничках книги. Сколько добродушной откровенности! Сколько неоцененных фактов! Сколько увлекательных подробностей! Проследим знаменитое п о с л е с л о в и е г. Полевого повнимательнее.

Сначала г. Полевой рассуждает о том, почему драматические занятия его встретили две противоположности: в н и м а н и е публики и о с у ж д е н и е критики. Потом восклицает: «Не сказать ли мне предварительно, что я сам думаю о моих драматических произведениях? Бывши плодами моего досуга и развлечением между дел и других литературных занятий, они уже и тем вознаграждали меня. Далее уверен я, что если и отвергнут в них дарование, то, конечно, никто не отвергнет в них чувства добра. Если так — для меня довольно...»

Хорошо, но послушайте дальше:

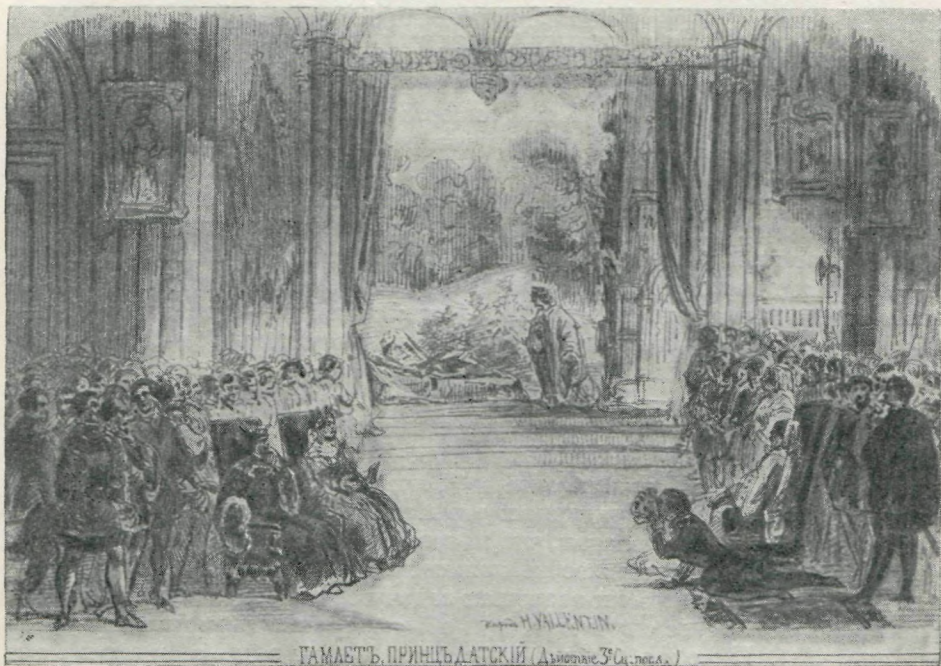
«Мать семейства смело может причислить мои драматические сочинения к библиотеке своего с е м е й н о г о ч т е н и я, и н а г р а д о ю м о е ю будет ее слеза и ее улыбка».

Умительно! Но вот еще дальше:

«Долговечность не удел моих сочинений — это я хорошо знаю. Да и что такое д о л г о в е ч н о с т ь? Как определить ее? Будущее — будущему: время решит задачу. Если и тогда, когда мои усталые кости лягут на покой, если и тогда «меня переживут мои сердечные чувства» в памяти соотечественников и в чьей-нибудь душе возбудят сочувствие — мне довольно. Может быть, я издам еще две книжки к издаваемым мною ныне; в них поместятся четыре большие драмы мои: перевод Г а м л е т а, У г о л и

но, Смерть или честь, Елена Глинская. Может быть, и кроме того, прибавлю я еще один или два томика — может быть, все ограничу издаваемыми теперь двумя... ничего не предполагаю и ничего не обещаю».

Давно бы так! Затем г. Полевой спрашивает: «Не будут ли любопытны некоторым из читателей небольшие примечания к пьесам, помещенным в сих двух книжках?» — И вслед затем начинает излагать краткие биографии своих произведений, отличающиеся сжатостью и полнотою. Вот для образчика: «П а р а ш а С и б и р я ч к а. Признаюсь, вот моя л ю б и м а я п ь е с а из всего написанного мною для сцены. В о с п о м и н а н и е о т о м д н е , к о г д а я в и л а с ь П а р а ш а н а с ц е н у ,

ПОСТАНОВКА «ГАМЛЕТА» НА СЦЕНЕ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА

Рисунок А. И. Шарлеманя, 1840-е гг.

Театральный музей им. Вахрушина, Москва

всегда будет воспоминанием об одном из счастливейших дней моей жизни. Основание пьесы взято из истинного события, всем известного. Прасковья Лупалова, дочь сосланного в Сибирь чиновника, действительно пришла в Петербург из Сибири, и кроткий Александр простил виновного отца за подвиг детской любви. Трогательное событие сие послужило предметом романа г-жи Коттень «Елизавета Л*** или Сосланные в Сибирь» и повести графа Местра «Юная Сибирячка» и пр.

Первое представление Мельника. Основание пьесы истинное, но простите мне, тени великих пиитов, Василия Кириловича и Александра Петровича, простите поклев и небывальщину, какую взвел я на вас: М е л ь н и к Аблесимова в первый раз был игран в М о с к в е , а не в П е т е р б у р г е , в 1779 году. Творец Телемахида и творец Семиры почтили гораздо прежде, один в 1769 году, другой — в 1777 году. Но они, точно, бывали при жизни друзьями, и нередко притом разыгрывали сцену Тресотина и Вадиуса⁷. Над Аблесимовым, который переписывал у Сума-

рокова стихи, и над его «Мельником»⁸, точно, смеялся Сумароков, хотя и не был потом свидетелем торжества Аблесимова. Книпер также лицо не вымышленное, а об Ж у к о в е П е т р е сохранилось предание в Словаре Новикова — он был «кабинет-куррьер» и «писал стихи» — какие? Ведомо единому Всеведущему, а не нам! — Игра П. А. Каратыгина и И. И. Сосницкого поддержала мою шутку на петербургской, а игра М. С. Щепкина — на московской сцене».

Но всего любопытнее заключительная страница «Послесловия». Каждая строка ее, драгоценная для современников, еще более драгоценна для потомства. Послушайте!

«Кроме исчисленных здесь и четырех больших (о скромности!) моих пьес: перевода Гамлета, Уголино, Смерть или честь, Елена Глинская, были еще отданы мною на сцену: Мнимый больной, комедия, Чересполосные владения и Он за все платит, водевили, и Ужасный незнакомец, комедия. Не печатаю их и каюсь в них, как в литературных грехах! Все сии четыре пьесы были наскоро составлены для театральных бенефисов. Первая из них — переделка на русские нравы известного фарса Мольера: *Le malade imaginaire*. Больной я диктовал русскую переделку его и даже не имел сил докончить ее. Не знаю, кто-то, добрый человек, доделал этот фарс, который дают иногда и теперь, благодаря забавной игре П. А. Каратыгина. — Вторая пьеска была написана мною в несколько часов и как бенефисная шутка была принята довольно благосклонно — довольно с нею! — Третья, перевод французского водевиля, дело суточной работы, поставленная на сцену без репетиций, мелькнула в глубокую Лету с первого представления! Четвертая — Ужасный незнакомец — ужасно хлопнулась при первом представлении и могла быть уроком, что не все то годится на сцену, что нравится в чтении. Содержание пьесы взято было мною <мною?> из сочинения Фонжерэ⁹, которое перевел я некогда и поместил в „Повестях и литературных отрывках“, изданных мною. Переделывая его для сцены, я полагал, что пьеска будет забавна, но увидел, что ничего бессвязнее и неуклюжее не может быть. Сидя в углу ложи, обшканный автор философически разрешал задачу об условиях и требованиях сцены, когда занавес опускался при общем, весьма гармоническом шикарии зрителей. После того месяца через два написал я Парашу Сибирячку».

Умилительно! Не знаем как для кого, а для нас это добродушное, смиренномудренное сознание в литературном грехе, сопровождаемое восклицанием — «после того месяца через два написал я Парашу Сибирячку» — кажется лучшим местом в драматическом сборнике г. Полевого. Но пойдем к концу:

«Заключу послесловие мое повторением благодарности моей публике за все знаки благосклонности, коими доньше она почтила меня, и не меньшую благодарности почтенным артистам Петербургской сцены, удостоившим меня своею обязательною дружбою и своими советами (слушайте!). Много раз руководствовался я их мнениями и мог убедиться в их художнической опытности (слушайте! слушайте!) и верности познания сердца человеческого, людских страстей и оснований драматического искусства. Много часов приятных (слушайте! слушайте! слушайте!) провел я в их увлекательных беседах».

..... О!

В заключение нужно еще заметить, что следующие стихи, которые читает герой «Солдатского сердца» Булгаров в память убитому товарищу, не должно ни под каким видом принимать за сочинение г. Полевого или за импровизацию Булгарова. Издатель забыл сказать, что они, за исключением первого куплета, который не подошел к слу

чаю, целиком написаны у Козлова. Настоящее название их: «На смерть английского генерала» и пр., перев. из То м а с а М у р а.

Не бил барабан перед смутным полком,
 Когда мы вождя хоронили.
 И труп не с ружейным прощальным огнем
 Мы в недра земли опустили.
 И бедная почесть в ночи отдана.
 Штыками могилу копали,
 Нам тускло светила в тумане луна
 И факелы дымно сверкали.
 На нем не усопших покров гробовой,
 Лежит не в досчатой неволе:
 Обвернут в широкий свой плащ боевой,
 Уснул он, как ратники в поле.
 Не долго, но жарко молилась творцу
 Дружина его удалая
 И молча смотрела в лицо мертвецу,
 О завтрашнем дне помышляя.
 Еще не свершен был обряд роковой,
 А час наступил равлученья...

Прекрасные стихи! Удивительные стихи!

<«Лит. Газета», 1842, № 43; без подписи.>

ОЧЕРКИ РУССКИХ ПРАВОВ ИЛИ ЛИЦЕВАЯ СТОРОНА И ИЗНАНКА РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Сочинение Фаддея Булгарина

Выпуска IV, V и VI: Ворожея, Гостиный двор, Лев
 и Шакал.

Издание М. Ольхина. Санкт-Петербург, 1843. В большую четвертушку. 50 стр.

Всякий, кто имел почему-нибудь несчастье следить за переделками, совершающимися в нашей «литературе», без сомнения, согласится, что сочинения г. Булгарина далеко не так интересны, как явления, которыми они обыкновенно предзнаменуются и сопровождаются. Так как о новых «Очерках» г. Булгарина сказать решительно нечего, то мы займемся здесь изложением этих явлений, полагая, что это не будет вовсе бесполезно для будущего историка так называемой русской «литературы».

Задолго до появления в свет нового «сочинения» г. Булгарина, «Северная Пчела», состоящая под его редакцию, с радостным биением сердца спешит довести до сведения почтеннейших читателей, что один из издателей ее изготавляет весьма приятный подарок, долженствующий сделаться украшением русской литературы; тут же вскользь отдается преимущество перед всеми другими тому роду литературных произведений, к которому будет принадлежать новое «сочинение» г. Булгарина, и громко порицаются все сочинения в этом роде, писанные литераторами, которых г. Булгарин считает своими соперниками. Далее автор статейки скромно напоминает публике о полезных двадцатилетних трудах г. Булгарина на поприще русской словесности, о юношеской несчастной привычке его резать в глаза другу и недругу «правду-матку», за которую он так много страдает и которую любит более всего на свете и т. д. Статейка заключается скромным предположением, что публика не оставит своего любимца лестным вниманием и, наперекор кривым толкам недоброжелателей и завистников г. Булгарина, раскупит нарасхват новое «сочинение» и будет им восхищаться. По мере приближения времени, в которое сочинение должно явиться в свет,

похвалы литературным добродетелям г. Булгарина и доброжелательные указания на пороки и промахи (которые в таких экстренных случаях «Северная Пчела» изображает с удивительным искусством) его противников — в «Северной Пчеле» появляются чаще и чаще.

«Отечественные Записки», журнал, признающий г. Булгарина... не гением, — беспрестанно поднимаются на зубок, со всем остроумием, к какому только способны издатели и сотрудники «Северной Пчелы»; восклицания вроде следующих: «Не верьте Отечественным Запискам! — Понимайте их мнения наоборот, что бы иметь о книге настоящее понятие! — Похвала Отечественных Записок хуже всякой брани! — Брань Отечественных Записок лучше всякой похвалы!» — повторяются в каждом фельетоне газеты. С другими журналами, которые по несколько раз печатно признавали г. Булгарина и гением и бездарным писателем, «Северная Пчела» употребляет в таких случаях особенную, чрезвычайно замысловатую тактику: понемножку, исподволь, начинает она смягчать разного рода укоры и осуждения, высказанные ею этим журналам по случаю недавней ссоры за кочерыжки или за что-нибудь подобное, оказывает им нечаянные, приятные одолжения, как-то: печатает сюрпризом на последней странице своего листка объявление о выходе их новых книжек, защищает их великодушно и остроумно от «Отечественных Записок» и т. д. Прилагательное «почтеннейший» рядом с именем издателей означенных журналов повторяется в фельетонах «Северной Пчелы» чаще и чаще и, наконец, незадолго до выхода «сочинения» «Северная Пчела» в один прекрасный день торжественно объявляет их своими друзьями, приписывая недавнюю размолвку недоразумению, которое, к счастью друзей литературы (говорим слогом «Северной Пчелы»), более не существует.

Вслед за тем является давно о ж и д а н н о е «сочинение». «Северная Пчела» тотчас же с кротостью и смирением объявляет, что один из ее издателей предстал на суд почтеннейшей публики с новым произведением, в котором хотел изобразить то-то и то-то, которое отличается такими-то и такими-то достоинствами и, как все дела рук человеческих, не чуждо недостатков, за которые автор униженно просит у читателей извинения. Далее начинаются упрашивания не верить «Отечественным» Запискам, которые будто бы преследуют г. Булгарина из зависти (!!), и остроумные шуточки над странной их философией, мешающей им отдавать справедливость даровитым и добросовестным литераторам, каков, например, г. Булгарин... В важных случаях сам г. Греч берется за перо и пишет о сочинении друга своего огромную статью в отделении под рубрикою: «Русская литература», где по пунктам доказывает великие достоинства нового «сочинения», в порядке пересчитывает великие заслуги, оказанные другом его русской словесности в продолжение двадцати лет, и заключает оговоркою, что хотя иные могут показаться неприличными похвалы, расточаемые «Северной Пчелою» одному из ее издателей, но издатели уверены, что правду сказать не грех, где бы то ни было!.. Вслед за тем являются одна за другою похвалы новому сочинению г. Булгарина в журналах, кстате задобренных «Северной Пчелою», — после чего «Северная Пчела» нередко тотчас же переменяет тон и снова принимается ругать недалёковидные журналы. Публика в изумлении... но «Северной Пчеле» до изумления публики нет дела: та достигла своей цели! (Здесь, между прочим, должно искать разгадки беспрестанных ссор и мировых, которые происходят у «Северной Пчелы» с ее достойными сподвижниками.) Между тем как совершаются столь великие события, книгопродавец, которому поручена продажа нового сочинения г. Булгарина, рассылает во все концы Русского царства громкое, ловко составленное объявление, в котором сравнивает г. Булга-

рина с Вальтер Скоттом или Карамзиным, называет его опорой русской литературы, творцом русского романа, преобразователем русского языка и т. п. Если, несмотря на все означенные проделки, сочинение «не идет», в «Северной Пчеле» иногда появляется новое восхваление «сочинению» в виде письма из отдаленной провинции благословенного Русского царства, в которую, по соображениям дальновидных людей, «сочинение» не успело еще и прийти. Дальнейшие судьбы «сочинения» известны без пояснений: оно поступает в мешки букинистов или в библиотеки старого залежавшегося хлама, разыгрываемого в лоттерей. Все это факты...

БУЛГАРИН В III ОТДЕЛЕНИИ С ДОНОСОМ НА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»
И «СОВРЕМЕННОК»

Акварель Н. А. Степанова, 1840-е гг.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

Почти теми же явлениями, которые мы сейчас обозначили, ознаменовалось в русском литературном мире «сочинение» г. Булгарина под названием: «Очерки русских нравов или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого». Торговый дом А. А. Ольхиной разослал о нем, еще при выходе первых трех выпусков, объявление следующего содержания:

«Очерки русских нравов или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. Шесть тетрадей. Новое сочинение Ф. Булгарина. Рисунки Тимма, литография г. Поля. Издание М. Д. Ольхина».

После преобразования русского языка и словесности Карамзиным Ф. В. Булгарин первый начал писать статьи о нравах в духе своего времени языком, понятным каждому. М о д н а я л а в к а, появившаяся в свет в 1823 году, произвела сильный эффект в читающей публике и, как водится, успех породил подражателей.

После того Ф. В. Булгарин написал много статей о нравах, которые были собраны в 12 томах и имели несколько изданий...»

И так далее. Книгопродавец пересчитывает великие заслуги глубоко уважаемого им г. Булгарина и честью заверяет «почтеннейшую публику», будто бы о б щ е е м н е н и е требовало от автора, чтоб он возвратился на прежнее свое «юмористическое поприще». Затем, в кратких, но сильных выражениях книгопродавец излагает характеристику издаваемых им статей «почтеннейшего» г. Булгарина, — характеристику, подобную тем, какие прилагает доныне знаменитый Московский книгопродавец В. Логинов и прилагал в цветущую пору своей книгопродавческой деятельности г. Поляков к объявлениям о книгах, научающих выращивать волосы на головной плешине и брить бороду без бритвы... «В Русской боярышне и Русской барышне (говорит красноречивый книгопродавец) изображен древний и новый быт русский» (на пятнадцати страницах?), «старинные и новые обычаи, чувствования и образ мысли». — В статье Русская ресторация изображено, чем были трактиры в прежнее время и что они ныне, и в кратких очерках показана характеристика обычных посетителей русских трактиров. — Вoroжея есть картина нашего легковерия и суетности, когда мы, ослепляемые суетностью, удаляемся от истины, думая искать ее...»

Объявление заключается похвалами картинкам, которые, по мнению книгопродавца, должны заслужить одобрение «самых взыскательных знатоков по отделке, композиции и печатанию...»

Недавно нам попало в руки объявление прибывшего сюда иностранца Лесира о к и т е: оно, по изобретательности, силе и краткости, нисколько не уступит объявлению, с которым мы сейчас познакомились, и достойно, вместе с ним, перейти к потомству:

«Сегодня в воскресенье 11-го апреля, в новопостроенном балагане, близ Александринского театра, выставлен кит, в 95 футов длины, 18 футов вышины и 24 фута ширины.

Повсеместно известный строгий вкус здешней публики во всех предметах, касающихся до искусств, побудил меня выставить на показ в Петербурге этот колосс, принадлежащий к достопримечательнейшим явлениям в природе и обративший на себя внимание во Франции, Англии и Германии. Кроме занимательности наружной формы к и т а достойно любопытства и то, что в голове этого огромного животного находятся два альбома, в которые записываются все примечательнейшие особы, в изъявление своего удовольствия. Лыщу себя надеждою, что и здешняя высокопочтеннейшая публика изъявит желание взглянуть на столь интересный предмет».

Согласитесь: сходство удивительное, заставляющее невольно думать, что оба объявления писаны одною и тою же рукою и при том весьма искусною! Но далее. Вслед за книгопродавческим объявлением в «Северной Пчеле» явились громкие похвалы «Очеркам» г. Булгарина сперва в фельетоне, потом в отделении под рубрикой «Русская литература». Знаменитый критик этой газеты, г. Z. Z. Z¹⁰, оговорившись предварительно, что совсем не думает писать похвалы новому сочинению г. Булгарина, объявил, что он отыскал в «Очерках» г. Булгарина «умную, добродушную шутку, согретую теплым чувством сердца, умнее заметить и ловко передать смешную сторону (чего?), ненависть к пороку, сочувствие к добру, мастерство выставить русскую сторону характера и оригинальную живопись подробно» (см. «Северную Пчелу», № 84).

Боже всемогущий! сколько достоинств! Что было бы с публикой, если б она нашла в «Очерках» г. Булгарина хоть пятую долю их? Она бросила бы под стол всю русскую литературу и стала бы читать одни очерки г. Булгарина. А, между тем, дело выходит наоборот... Кто виноват: госпо-

дин ли Z . Z . Z, приписывающий «Очеркам» достоинства, которых они не имеют, или публика, не видящая тех достоинств в сочинениях г. Булгарина?..

Увы! Прошло то время, когда на подобный вопрос смело можно было отвечать: «публика!» Теперь уже публика очень скоро и верно умеет отличать хорошее от дурного, особенно в отношении к произведениям юмористическим». Из сочинений Гоголя она ознакомилась уже столько с истинным юмором, художественным воспроизведением действительности, с живою и одушевленную речью, что тотчас распознает подделку под эти достоинства и истинные достоинства сочинения от поддельных. Горе «сочинителю», думавшему когда-то под шумок воспользоваться ее простотою!..

«Отечественные Записки» говорили уже об «Очерках русских нравов» г. Булгарина по случаю первых трех выпусков. Собственно об остальных трех выпусках, заглавие которых выписано выше, сказать решительно нечего. Они так же вялы, безжизненны, преисполнены плоских шуточек и аляповатого остроумия, как и три первые. Итак переходим прямо к картинкам г. Тимма.

Удачнейшая из них та, на которой представлена ворожея. Чтоб хорошенько понять картинку, надо несколько ознакомиться с содержанием текста. В «Ворожее» четыре главные действующие лица: ворожея, дочь ворожеи, влюбленная девушка, приехавшая гадать о своем суженом, и добрый от природы, но одаренный несколько странною слабостью в характере человек, в котором сочинитель пытался, кажется, олицетворить пагубную страсть к подслушиванию, пересказам и переносам. Лица дочери ворожеи и молодой влюбленной девушки не поражают ничем, кроме глупости и безобразия; лицо ворожеи также не представляет ничего особенного, хотя г. Булгарин и уверяет, что он, «имевший не один случай наблюдать цыганские таборы в России, в Белоруссии, в Польше, во Франции и в Испании, не видал такого лица, такой фигуры», как у описываемой им ворожеи. Но лицо человека, обуреваемого означенною страстью переносить и подслушивающего за ширмами, человека, которому ворожея в одном месте говорит: «Вот в глаза ваших я вижу, чем вы были, если бы не кровь, не горячая кровь... проклятая кипучая смола... да вот не это... Старуха высунула свой я з ы к и ударила по нем пальцем...» — лицо его создано художнически: кажется, читаешь на нем страшный процесс, каким этот несчастный дошел до унижительного ремесла, которое сделалось для него страстью и которым он, может быть, наперекор собственным чувствам, так ревностно занимается. Вот таких-то резких типических физиономий надо желать побольше в политипажах. Это, по крайней мере, поучительно и предостерегательно для других!..

<«Отеч. Зап.», 1843, V; без подписи.>

ФИЗИОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА, СОСТАВЛЕННАЯ ИЗ ТРУДОВ РУССКИХ ЛИТЕРАТОРОВ; ПОД РЕДАКЦИЕЙ Н. НЕКРАСОВА. С ПОЛИТИПАЖАМИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Издание книгопродавца А. Иванова. Санктпетербург, 1845.

В ту самую минуту, как мы беремся за перо, чтоб отдать отчет в литературных явлениях прошедшей недели, перед нами вдруг падает и раскрывается книга преблагообразная, премилая, презабавная, преназидательная... книга, где пляшут перед вами в русском хороводе, в самой пестрой смеси, юмор с истиною, веселость с грустью, ум с шалостью, остроумная наблюдательность с горькой насмешкой... книга, которая разубрана политипажами, пестреет именами, приятными для присяжных следова-

телей за ходом русской литературы, для охотников до русских иллюстраций... одним словом, книга, называемая «Физиология Петербурга», которой цель раскрыть все тайны нашей общественной жизни, все пружины радостных и печальных сцен нашего домашнего быта, все источники наших уличных явлений; ход и направление нашего гражданского и нравственного образования; характер и методу наших наслаждений; типические свойства всех разрядов нашего народонаселения и, наконец, все особенности Петербурга, как города, как порта, как столицы, как крайнего рубежа Руси, как окна в Европу!

Добро пожаловать, книга умная, предпринятая с умною и полезною целью! Ты возложила на себя обязанность трудную, щекотливую, даже в некотором отношении опасную... Ты должна открывать тайны, подсмотренные в замочную скважину, схваченные врасплох; на то ты и физиология, то-есть история внутренней нашей жизни, глубокой и темной, прикрытой мишурой и блестками, замаскированной роскошными фасадами, вкусными обедами, наружной чистотой и блеском, отражающими и преломляющими луч истины, который нахально хочет проникнуть в ее тайную внутренность! Твои зонды, милая книга, должны быть очень субтильны и прочны, твой взгляд очень наблюдателен и дальновиден, твое чувство очень верно и неизменно; твой юмор меток и не желчен; факультет твоих литераторов должен действовать очень единодушно, по общему направлению; к одной неизменной цели!

Умная книга! ты задала себе трудную задачу!

Первая книга «Физиология Петербурга» показывает, что она приступила к делу чрезвычайно ловко, более чем удачно. Мы находим в ней пять статей, и все они более или менее верны своей цели и раскрывают более или менее любопытные стороны нашей жизни. Все эти статьи, кроме литературного достоинства, имеют еще достоинство правды, весьма важное и даже главное в сочинении такого рода. В некоторых из них выставлены, правда, одни смешные, в других — одни темные стороны народного быта петербургского населения, но это первая часть труда, который обещает неопределимое число последующих частей, в которых могут впоследствии развернуться стороны серьезные и светлые того же предмета, который рассмотрен в первой части только с одной точки зрения. Наша жизнь во всех ее фазах неисчерпаемый источник для наблюдателя и живописца: чего один не подметит в живом слове, то другой доскажет карандашом, в верном образе; такая книга не может обойтись без иллюстраций: она необходимо должна являться в лицах. В этом отношении общество художников, которые приняли на себя пояснение ее текста картинками, составлено очень счастливо: все это люди известные по меткости своего взгляда, по остроте своего карандаша. Тимм, Жуковский так известны в этом деле, что нет нужды прибавлять что-нибудь о достоинстве их рисунков. Последний, особенно своей богатой коллекцией «сцен петербургской уличной жизни» ясно доказал, до какой степени он обладает остроумною и верною наблюдательностью. От такого художественного сотрудничества «Физиология Петербурга» должна ожидать обильную помощь.

В первой части «Физиологии» мы встречаем «Дворника» В. И. Луганского, верного бытописца наших нравов; «Петербургского шарманщика» Д. В. Григоровича, молодого литератора, впервые выступающего на литературное поприще и выступающего чрезвычайно умно и удачно; «Петербургскую сторону» Е. П. Гребенки, давно всем известного по своему живому рассказу и оригинальному юмору; «Петербургские углы» Н. А. Некрасова или Перепельского, одного из сотрудников нашей газеты, о достоинствах которого мы по этому случаю, боясь злых языков, не решаемся распространяться, и наконец, «Петербург и Москву», статью В. Г. Белинского.

Хотя все статьи этой части написаны так, что не раз сорвут улыбку с уст самого серьезного читателя, не раз заставят грустно задуматься самого веселого человека, мы скажем, что статья г. Белинского, по глубине мысли, по верному воззрению, по прекрасному изложению и по цели своей занимает первое и почетнейшее место между ними. Видно, что автор

ОБЛОЖКА ВЫШЕДШЕГО ПОД РЕДАКЦИЕЙ НЕКРАСОВА СБОРНИКА «ФИЗИОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА», ЧАСТЬ I, 1845 г.

Гравюра Е. Бернардовского с рисунка Е. Коврыгина

коротко знает современную Москву и глубоко изучил значение Петербурга. Он проводит параллель между обеими столицами, необходимую для пояснения Петербурга во всех его значениях. Выпишем несколько строк из этой замечательной статьи, чтоб покороче познакомить с нею наших читателей.

«Дальше следует весьма пространная выписка из статьи Белинского «Петербург и Москва» от слов: «Родство даже и до сих пор играет великую роль в Москве» и кончая словами: «Нам кажется, что на долю Петербурга преимущественно выпал этот второй способ распространения и утверждения европеизма в русском обществе»».

Г. Гребенка очень забавно выставил народонаселение Петербургской стороны, этой дальней провинции, этого уездного городка среди велико-лешной столицы России. Выпишем несколько страниц.

«И освищенный актер, и непризнанный поэт, и оскорбленная чем-нибудь на белом свете девушка, все убегают на Петербургскую сторону, расселяются по мезонинам и в тишине предаются своим фантазиям.

На Петербургской вы найдете и несчастного купца-банкрота по глупости или по излишней доверчивости к людям.

(NB. Банкроты, так называемые злостные не живут на Петербургской стороне. Они любят шум и блеск.)

Найдите заштатного чиновника; найдете юного чиновника, не захотевшего учиться, который теперь живет на четырехстах рублях жалованья; найдете бедного, но благородного родителя-провинциала, привезшего кучу сыновей для определения в учебные казенные заведения. Его можно легко заметить по важной осанке, по здоровому красному лицу, по военному мундиру без эполет, треугольной шляпе с пером и по трем-четырем недорослям в нанковых сюртуках и фуражках, чинно идущих за ним. Любопытно видеть, как это существо, полное сознания своего достоинства, вежливо, любезно, почти робко дает дорогу каждому встречному на тротуаре: сразу заметно и желание показать перед сыновьями пример тонкости светского обращения, и боязнь не обидеть как-нибудь невзначай лицо, нужное ему со временем.

На Петербургской вы найдете мастеров без подмастерьев и работников; горничных без барынь и барынь без горничных; сады без деревьев и деревья без саду, растущие так себе, бог знает как и для чего; есть даже речка Карповка, в которой иногда не бывает воды, и есть переулки, постоянно покрытые лужами; в этих переулках плавают утки, растут и цветут болотные травы и разные водоросли.

На Петербургской вы можете отыскать людей, убивших весь свой век и состояние на тяжбы; впрочем, они редко показываются на свет божий, и когда прочее народонаселение движется, суетится, топчет грязь по улицам и переулкам или крашенные полы на домашних вечерах, эти несчастные сидят дома над бумагами, выводя в тишине невинные крючки.

На улицах их не встретишь; они не гуляют; они преданы своей мысли, своей цели. Самое лучшее средство ловить этих людей утром часу в девятом у Мытного перевоза; сюда они собираются, чтоб переехать в Сенат, обремененные связками и свертками бумаг. Один мой знакомый рассказывал, что в старые годы он часто видал там одного худого, чахлого старичка, который с видимым усилием приносил под мышкой тяжелое, толстое березовое полено, тщательно завернутое в клетчатый бумажный платок; садясь в лодку, он бережно клал его к себе на колени, любовно глядел на него и укутывал заботливо, словно мать ребенка.

— Берегите, берегите его, Иван Иванович, — часто, смеясь, говорили старичку молодые чиновники: неравно простудится ваше полено, станет кашлять, спать не даст.

— Полноте смеяться, — отвечал старичок: — оно мне и так не дает спать.

— Да отчего же?

— Разве я вам не рассказывал?

— Нет, право нет!..

— Ой, рассказывал!..

— Нет, нам не рассказывали; может быть, Петру Петровичу рассказывали, а нам нет.

СТРАНИЦА СБОРНИКА
«ФИЗИОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА»,
ЧАСТЬ I, 1845 г.

Иллюстрация Р. Жуковского к очерку Некрасова «Петербургские углы»

— А может быть; Петру Петровичу точно я рассказывал. Это дело любопытное, от этого полена зависит все мое состояние; оно, изволите видеть, милостивые государи, не простое полено, оно, мое сердечное, образцовое... В 17... году я ставил подряд на дрова...—И старик в тысячный раз рассказывал своим обычным слушателям, как он ставил куда-то дрова по подряду, как ему не заплатили вполне всех денег потому, будто бы дрова были короче, нежели положено по условию, как он с премьер-майором и провинциальным секретарем Б., призвавши их в свидетели, взял собственными руками из кучи своих дров полено, так без выбору зря, спрятал его, завел дело... и проч... и теперь для доказательств, в случае потребует надобность, постоянно, отправляясь в Сенат, берет свое полено, высчитывает, сколько носовых платков износило это полено и т. п., словом, говорил, пока лодка не приваливала к другому берегу и его слушатели не разбежались по разным направлениям, тогда и он, вздохнув, давал медную монету лодочнику, брал полено под мышку и отправлялся в Сенат.

На Петербургской вы найдете несчастных аферистов, но только аферистов, совершенно уничтоженных аферами, не знающих, за что ухватиться, и собирающих в тишине всевозможные способы, как вывернуться, выбиться или выползть из своего трудного положения».

А знаете ли, что были блаженные времена, когда Петербургская сторона имела свой собственный театр, да еще какой — что твоя комедия! Послушайте, как это случилось: г. Гребенка расскажет вам все это досконально:

«Жил-был, говорят, некогда в Петербурге на Петербургской стороне старик с состоянием и чинами, старик превеселого характера и предоброй души. Его бог не благословил законными детьми, зато старик держал у себя полон дом воспитанниц, любил их как родных, любовался ими и не мог на них насмотреться.

Как-то в день именин старика воспитанницы ему сделали с ю р п р и з: оделись не то пастушками, не то богинями, словом, драпировались как-то вроде женщин на картинках древней греческой мифологии, надели на голову венки, в руки взяли поднос и поднесли на нем в подарок имениннику своей работы кошелек... При этом хором запели стихи, написанные по случаю именин каким-то старым учителем:

Твое к тебе обратно притекает,
 Приими, к душе пылая, пыл сердец!
 От Пиндра дар к тебе здесь привлекает
 Сонм дев, прими их труд ты, как отец!
 Хоть богинями одеты,
 Любим мы тебя, как дети,
 Нам подобных сыщешь где ты?..

Старику очень понравились и кошелек, и песня, и костюмировка воспитанниц; эта новость приятно расшевелила его засыпающие чувства; он расцеловал богинь и тут же дал себе слово устроить театр. Театр был устроен очень недалеко от Малого проспекта и улицы, ведущей к Крестовскому Перезову. Для этого очистили обширный мучной амбар, возвысили сцену, сделали углубление для оркестра из дешевых обоев, построили декорации, занавес был из белого холста, подымался и опускался как стора; на нем была изображена огромная одинокая лира; вокруг лиры не было ни обычных облаков, ни лаврового венка, ни даже цветочной гирлянды. В театре были поставлены простые, белые, длинные скамьи из досок, места на скамейках не были разделены ничем, но на них были написаны номера, так что каждый посетитель садился на номер; номеров было доста; прямо против сцены красовалась ложа учредителя театра, обклеенная дешевыми обоями; над партером висела деревянная звезда; в нее ставили обыкновенно шесть свечек; это называлось люстрой. Кроме этого в оркестре горело четыре свечки. Оркестр состоял из двух скрипок и баса; иногда баса заменяла флейта или кларнет. Музыканты были аматёры; на сцене кроме воспитанниц учредителя играли знакомые чиновники и старый учитель, говорят, неподражаемый комик. Этот театр, разумеется, сначала был домашним, но впоследствии, говорят, можно было получить билеты и за деньги.

Вообще вся первая часть «Физиологии Петербурга», с которой мы еще не раз будем знакомить читателей, возбуждает желание, чтоб последующие части от нее не отставали и выходили как можно скорее.

Нельзя не поблагодарить деятельного книгопродавца А. Иванова за это прекрасное предприятие, которое впоследствии, само собою разумеется, будет еще совершенствоваться и найдет множество покупателей. Кому же из петербургских жителей не желательно узнать себя, кому из провинциалов не любопытно узнать Петербург вдоль и поперек!

«Лит. Газета», 1845, № 13; без подписи.>

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Изредка только нелепые толки некоторых критиков... заставляли его удивляться... — Здесь имеются в виду рецензии Белинского, Белинский, в частности, указывал, что «Уголино» Полевого — неудачное подражание трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта», а «Елена Глинская» — еще более неудачное подражание «Макбету».

№ 4. НА МАЛОМЪ ТЕАТРѢ.

Въ Пятницу, 23 Юля,

ИМПЕРАТОРСКИМИ Россійскими Актерами пред-
ставлено будетъ,

ВЪ АБОНЕМЕНТЪ,

(по возобновленіи въ первый разъ):

АКТЕРЪ,

Шутка-водевиль въ 1 дѣйствіи, соиз. Н. А. Перепельскаго.

Дѣйствующіе:

Кочергинъ, Саратовскій посланникъ,	Г. Рославскій.
Лидія, дочь его,	Г. Роза Петрова.
Сружанинъ, актеръ,	Г. П. Степановъ.
Судомовъ, чиновникъ,	Г. Тимовъ.
Слуга,	Г. Ермоловъ 1-й.

СТРАШНЫЙ ПОДЪ СТОЛОМЪ,

Водевиль въ 2 дѣйствіяхъ, переведенный съ Французскаго Д. Ленскимъ.

Дѣйствующіе:

Молода, старухой,	Г. Жюлими.
Сел-девичъ,	Г. В. Степановъ.
Докторъ, драматургъ,	Г. Ермоловъ 1-й.
Жеронъ, слуга въ трактирѣ,	Г. Костомаровъ.
Ваня Далби, баронесса,) молодая,	Г-жа Степанова.
Гортензія, ее пріятельница,) вдова,	Г-жа Сурдыкина.
Луиза, горничная,	Г-жа Златопольская.

КОМЕДИЯ СЪ ДАДЮШКОЙ.

и ли
ВСЕ ДЛЯ ВЕНЕФИСА.

Шутовная опера-водевиль въ 1 дѣйствіи П. И. Т.—а

Дѣйствующіе:

Карлъ Савичъ Кубаревъ, пріязнь помѣщикъ изъ Полтавы,	Г. Жюлими.
Сергей Васильевичъ Петерскій, его родной пас- жанникъ и единственнй наследникъ,	Г. В. Степановъ.
Семеновъ Кавалъ, жидъ, процентщикъ,	
Ангела, его жена,	
Молодая тиролька,	Г-жа Стрельская.
Клеопатра, Русская княжна,	
Блестящій король,	Г. Рославскій.
Фансъ, старый слуга Кубарева,	Г. Костомаровъ.
Нансъ, слуга Петерскаго,	Г-жа Шибей.
Лиза,) горничная Г-жи Петерской,	Г-жа Златопольская.
Катя,)	

ПОРЯДОКЪ СПЕКТАКЛЯ:

1. — Страшный подъ столомъ.
2. — Актеръ.
3. — Комедія съ дадюшкой.

НАЧАЛО ВЪ 7 ЧАСОВЪ.

AU THÉÂTRE DE PÉTROVSKY

Pour les abonnés,

Samedi, 24 Juillet

L'ONCLE BARTISTE

Comédie en 2 actes, mêlée de Couplets

UN MONSIEUR, ET UNE DAME

Comédie-vaudeville

НА МАЛОМЪ ТЕАТРѢ.

Въ Воскресенье, 25 Юля,

ИМПЕРАТОРСКИМИ Россійскими Актерами

представлено будетъ,

ВЪ АБОНЕМЕНТЪ:

ЛЕВЪ ГУРЫЧЪ СНИЧКИНЪ,

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ДЕБЮТАНКА,

Водевиль въ 5 дѣйствіяхъ, переведенный съ Французскаго Д. Ленскимъ.

КЕТТЛИ,

и ли
ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ШВЕЙЦАРІЮ.

Водевиль въ 1 дѣйствіи, переведъ съ Французскаго Д. Ленскимъ.

ДИВЕРТИСЕМЕНТЪ.

Билеты на сіи спектакли ежедневно можно
получать съ 10 часовъ утра въ кассѣ Малаго
Театра.

ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ

ДАНА БУДЕТЬ

въ первый разъ:

ВЪЧНАЯ ЛЮБОВЬ,

и ли

БУДУЩНОСТЬ СЫНА,

Комедія въ 2 дѣйствіяхъ, соиз. Г-и Скриба и Варьера, переведъ съ
Французскаго П. С. Водерова.

АФИША ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ВОДЕВИЛЯ НЕКРАСОВА (Н. А. ПЕРЕПЕЛЬСКОГО)
«АКТЕРЪ» НА СЦЕНЕ МОСКОВСКАГО МАЛОГО ТЕАТРА, 23 ЮЛІА 1843 г.

Музей Малаго театра, Москва

² О пьесе Полевого «Комедия о войне Федосьи Сидоровны с китайцами» Белинский иронически писал: «Это — пьеса чисто патриотическая и национальная. В ней русская баба избивает ухватом и кочергой 60 000 китайцев, которые все представлены дураками, трусами и шутами. Для распространения образования в простом народе ее следовало бы давать на всех лубочных театрах, на ярмарках, установив цену дешевле одной копейки и не дороже трех за вход» (Полн. собр. соч., VII, 401).

³ «Русский человек добро помнит» — заглавие одной из пьес Полевого; в дальнейшем это заглавие все время пародируется.

⁴ Каратыгин 2-й, Петр Андреевич (1805—1879) — брат известного трагика Василия Андреевича Каратыгина; актер-комик и водевилист.

⁵ Елена Ивановна Гусева (1787—1853) — комическая актриса петербургских театров.

⁶ Иван Иванович Сосницкий (1794—1877) — знаменитый актер-комик, создатель ролей Репетилова в «Горе от ума» и городничего в «Ревизоре».

⁷ Василий Кириллович («творец Телемахиды») — Тредиаковский; Александр Петрович («творец Семиры») — Сумароков. Сцена Тресотина и Вадюса из комедии Сумарокова «Тресотиниус» (1750).

⁸ «Мельник» — комическая опера А. Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват» (1779).

⁹ Фонжерэ (Fongeray) — общий псевдоним писателей Эдмонда Кавэ (1794—1852) и Адольфа Диттмера (1795—1846), выпустивших в 1827 г. сборник пьес («Les soirées de Neuilly»), имевших успех благодаря своим либеральным тенденциям.

¹⁰ Псевдоним Н. Греча.